

УДК 811.161.1:81'373.2

В. М. Калинин

ПОЭТИКА ОНИМОВ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «В ЦИРУЛЬНЕ»

Обсуждаются особенности использования выразительных свойств поэтонимов в коротком рассказе А. П. Чехова «В циркульне». Обращено внимание на литературно-исторический аспект: работу писателя над онимией рассказа. Показана важная роль топопоэтонимов в структуре произведения. Обращено внимание на некоторые вопросы теории поэтонимосферы.

Ключевые слова: поэтика, поэтоним, поэтонимосфера, топопоэтоним.

Привлекательность коротких рассказов А. П. Чехова как материала для изучения поэтонимосфер не только не вызывает сомнений, но с каждой очередной попыткой показывает всё новые и новые грани мастерства писателя. Кроме того, наблюдения над «устройством» конкретных поэтонимосфер, над функционированием их компонентов, структурой и свойствами связей внутри системы поэтонимов произведения обращает внимание исследователей на такие нюансы и свойства поэтонимии, которые ранее ускользали от их внимания, открывает доселе не изученные и в теоретическом плане не осмысливавшиеся свойства поэтонимосферы, обеспечивает проникновение в качества поэтонимосферы как системы, и в отношения между этой системой и онимным пространством языка. И если система онимов языка обслуживает мир, лежащий за её пределами (пользуясь определением Ю. М. Лотмана, — «внесистемную» реальность), а поэтонимия — «вторичную реальность», создаваемую художниками слова, то именно изучение поэтонимосфер открывает возможность «уразуметь», как в результате взаимодействия онимии и поэтонимии формируется единый универсальный язык онимного пространства и первичной, и вторичной семиотических моделирующих систем. И это далеко не полный перечень достоинств и преимуществ исследования поэтики онимов в коротких рассказах писателя.

Для исследователя, пытающегося не только описать поэтику собственных имён в том или ином произведении, но и понять выходящие

за рамки интересов простого дескриптивизма процессы и явления, свойственные онимному пространству языка, в чеховском наследии важны произведения, существующие, если так можно сказать, в «удвоенном» виде. Имеются в виду рассказы и другие произведения, подвергавшиеся серьёзной переработке для последующих (после первой) публикаций. Особый же интерес представляют произведения, в истории работы над которыми сохранились факты поисков в области онимии, зафиксированы случаи колебаний автора при выборе имён для персонажей или названий для мест, в которых происходят события повествования. Именно в этом смысле любопытно обсуждаемое произведение.

Рассказ «В цирюльне», впервые напечатанный в московском журнале «Зритель»¹ в 1883 году с заголовком «Драма в цирюльне», позднее вошёл в издание А. Ф. Маркса², для которого был существенно переработан и даже по-иному назван, чему будет уделено внимание после обсуждения свойств подсистем поэтонимосферы рассказа. Нужно добавить, что рассказ был известен и пользовался популярностью не только в России, но и за её пределами. Ещё при жизни автора он был переведён на венгерский, немецкий, польский, сербскохорватский, финский, чешский и шведский языки [2].

То, что А. П. Чехов всегда был внимателен и исключительно чуток к подбору имён для героев своих произведений, не подлежит сомнению. Однако исследователь поэтонимии обязан ответственно относиться ко всякого рода реконструкциям, особенно в области гипотез о раздумьях писателя, восстановления мотивов художественного решения, поиска факторов, определивших в конечном итоге выбор того или иного имени для персонажа, местности, вообще для любого объекта, имеющего в произведении собственное имя.

Два действующих лица (цирюльник и его клиент-крёстный) и два упоминаемых персонажа (дочь крёстного и её жених), получившие от

¹ «Зритель» — иллюстрированный литературный, художественный и юмористический журнал, издававшийся В. Давыдовым в Москве с сентября 1881 года по апрель 1883 года три раза в неделю, а с 1883 года — два раза. В апреле 1884 года издание было возобновлено и вновь прекращено в мае 1886 года.

² А. Ф. Маркс — русский книгоиздатель, выпускавший «для семейного чтения» популярный иллюстрированный журнал «Нива» (издавался в С.-Петербурге с 1869 по 1918 г.). Выпустил первое прижизненное одиннадцатитомное собрание сочинений А. П. Чехова.

автора собственные имена, составляют антропоэтонимную подсистему поэтонимосферы рассказа. Есть и упоминаемые, но не названные лица (тётя, майорша, тётка жениха, папаша цирюльника): 1) «— **Тетька** как поживают-с? — Ничего, живет себе. Намедни к **майорше** принимать ходила. Рубль дали». 2) «— В Златоустенском переулке его **тетка** в экономах. Хорошая женщина». 3) «— <...> когда мой **папаша** скончался, вы взяли диван и десять рублей денег и назад мне не вернули» [здесь и далее цит. по 7]. Их безымянное упоминание элегантно решает нарративную задачу: с одной стороны, насыщает фон повествования «живыми» лицами, с другой — экономит, а главное, выделяет онимные средства. Три названия внутригородских объектов, два из которых являются особым образом организованной микросистемой, представляют топоэтонимную подсистему поэтонимосферы небольшого рассказа. Всего, таким образом, в рассказе функционируют собственные имена семи объектов художественного мира или вторичной реальности.

Обратимся к антропоэтонимии рассказа.

Первым среди действующих лиц один раз полной антропоформулой, т.е. по имени, отчеству и фамилии, что в русской антропонимной системе «официально свидетельствует» об уважительном отношении, правда, в сопровождении пейоративной характеристики («неумытый, засаленный»), юмористически подкреплённой ироничным «но» («но франтовато одетый»), назван хозяин цирюльни «малый лет двадцати трех» **Макар Кузьмич Блесткин**. Продолжая «уничжать» своего «героя», А. П. Чехов, тем не менее, в авторском повествовании неизменно (всего 12 раз) называет «цирюльника» только по имени и отчеству: «На столике, таком же неумытом и засаленном, как сам **Макар Кузьмич**, всё есть: гребенки, ножницы, бритвы, фиксауара на копейку, пудры на копейку, сильно разведенного одеколону на копейку». Появление второго действующего лица, Ягодова, отмечено сменой именованного цирюльника. Крёстный использует в обращении уменьшительно-ласкательную форму: «**Макарушка**, здравствуй, свет! — говорит он Макару Кузьмичу, увлекшемся уборкой». Эта же форма обращения в речи Эраста Иваныча повторяется ещё трижды, в ситуации утешения и дважды в контексте просьбы: 1) «Назад не воротись, **Макарушка**. Другую себе ищи невесту...»; 2) «Так я завтра приду, **Макарушка**»; 3) «Достриги, **Макарушка**. Полголовы еще осталось». Нейтральная

форма имени употреблена А. П. Чеховым во фрагменте прямой речи Ягодова, эксплицирующей его внутреннюю речь: «*Вот я и думаю в уме: пойду-ка к Макару*». А во второй раз в реплике критического характера, психологически исключающей возможность использования диминутива: «*Только какой же ты жених, Макар? Нешто ты жених? Ни денег, ни звания, ремесло пустяшное...*»

Небезынтересную информацию даёт обращение к внутренней форме всех компонентов имени этого персонажа. Фамилия **Блёсткин** в первом варианте рассказа (для журнала «Зритель») — *Блестелкин*. Незначительное, кажется, изменение. Ведь корневая морфема фамилии осталась неизменной. Однако перспектива анализа множества случаев переименования А. П. Чеховым персонажей, позволяет увидеть общую тенденцию в направлении перемен. Её можно сформулировать как стремление писателя уйти от прямо характеризующих «говорящих» имён или, по терминологии Е. С. Отина, юморонимов к именам, «говорящим» в подтексте, так сказать, от классицистической поэтики к реалистической. С этой точки зрения разница в восприятии первого и второго вариантов фамилии скрыта в их словообразовательной структуре: *Блестелкин* — отглагольное, а *Блёсткин* — отымённое образование, гораздо более распространённое в языке и потому более реалистичное.

Имя **Макар**, по А. В. Суперанской [6 : 151] и Н. А. Петровскому [4 : 147], происходит из греч. *makarios* — 'блаженный', 'счастливый'. А отчество **Кузьмич** (от имени *Кузьма*), по Н. А. Петровскому [4 : 137], образовано от греческого *kosmos* — 'мир', 'украшение', а по А. В. Суперанской [6 : 139], из греч. *Kosma*: *kosmos* — 'мир', 'порядок', 'мироздание', переносно, 'украшение', 'краса', 'честь'. К этому следует добавить, что ко времени работы над рассказом в русской литературе гремело имя Ф. М. Достоевского. А его роман «Бедные люди» уже около сорока лет волновал умы русской интеллигенции. Посему и роман Достоевского и его герой **Макар** Алексеевич Девушкин, конечно, в мыслях (здесь можно позволить себе сочетание «и в интертекстуальном культурном пространстве») А. П. Чехова присутствовали. Предположить, что А. П. Чехов внимательнейшим образом анализировал этимологии имени и отчества персонажа короткого рассказа и выбирал наиболее подходящие, соответствующие характеристике образа, было бы, как представляется, не вполне уместно. Но и исклю-

читать факт знания автором рассказа информации о происхождении этих онимов было бы недопустимым упрощением. Во всяком случае, по воле ли автора или независимо от неё, но «получилось то, что получилось». Всеми своими семантическими свойствами имя идеально дополнило содержательную характеристику образа: «неумытый, засаленный», «но франтовато одетый».

Крестный отец «цирульника», в прошлом сторож консистории¹, занимающийся «слесарством», в варианте рассказа для собрания сочинений получил имя *Эраст Иванович Ягодов*. Для именованя этого персонажа А. П. Чехов использовал три антрополоформулы: полную — имя, отчество, фамилия (1); имя, отчество (7); фамилия (2). По Н. А. Петровскому [4 : 233], имя *Эраст* происходит от греческого *erastos* — 'прелестный', 'милый'. По А. В. Суперанской [6 : 242], — связано с греческим словом *erastēs* — 'горячо любящий', 'влюблённый'. По-видимому, именно эта связь была основным мотивом при выборе Н. М. Карамзиным имени для героя «Бедной Лизы». Отсюда литературно-художественный флёр онима и, естественно, гипотетическая, но вполне возможная реконструкция «онимной ауры» в раздумьях А. П. Чехова при определении имени персонажа.

Отчество во всех случаях употреблено в аллегорической форме — *Иваныч*, в общем, характерной для русской разговорной речи. Отчество *Иваныч* настолько «стёртое», что ни о чем вроде бы не говорит, кроме того, что человек-то русский, хоть и *Эраст*. Но не наблюдателю «со стажем». По мнению Е. С. Отина, отчество *Иваныч* использовалось как условный заменитель всякого отчества, квазиотчество «равноценное квазиотчеству украинского происхождения *батькович*» [3 : 188]. Помочь понять роль этого русского отчества при явно нерусском имени *Эраст* может наблюдение Е. С. Отина над текстами А. П. Чехова. Анализируя сочетание *Шут Иванович (Иваныч)* автор словаря коннотативных собственных имён в русском языке отметил, что Шут Иванович — «выражение с фамильно-пренебрежительной окраской (как правило, обращение), характеризующая часть которого (шут) сочетается с обобщающим отчеством. Ты что же это, Шут Иванович, на репетиции не приходил? (Чехов А. П. Актёрская гибель); Если здоровья не жаль, то хоть бы старость свою пощадил,

¹ Консистория — учреждения с административными и судебными функциями по православному церковным делам при епархиальном архиерее.

шут *Иваныч* (Чехов А. П. Лебединая песня); *Пуцай будет Измученков... Как хочешь, лишь бы вылечил... Хоть Шут Иваныч... Всё одно...* (Чехов А. П. Сельские эскулапы)» [3 : 188].

Фамилия **Ягодов** с прозрачной внутренней формой, на первый взгляд, тоже «говорящей ни о чём» в первом варианте рассказа для журнала «Зритель» выглядела иначе — *Драконов*, причём бывший сторож консистории был отставным фельдфебелем. В российской армии до 1917 г. это звание носили старшие унтер-офицеры в пехоте, инженерных войсках и артиллерии. В русской литературе и русском языковом сознании за корневой морфемой этой фамилии закрепились решительно пейоративные коннотации. Словом «дракон» в славянской мифологии называли сказочное чудовище, крылатого огнедышащего змея, Змея-Горыныча, иногда с кратным числу «три» количеством голов, пожирающего людей и животных. Когти льва и перепончатые, как у летучих мышей и летающих ящеров, крылья, да ещё и змеиный хвост дополняли картину. В переносном значении это слово употреблялось для обозначения жестокого, безжалостного человека. Особенно часто драконами называли унтер-офицеров, а в советское время «беспощадных», как иногда представлялось обиженным военнотружущим срочной службы, старшин-сверхсрочников, а чуть позже — прапорщиков. Фразу «Командир — настоящий дракон», — зафиксировал толковый словарь русского языка. В без сомнения известной А. П. Чехову комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» взбешённый «вольнотружущими» Скалозуб (диалог с Репетиловым) восклицает: / *Ученостью меня не обморочишь, / Скликай других, а если хочешь, / Я князь-Григорию и вам / Фельдфебеля в Волтеры дам. / Он в три шеренги вас построит, / А пикнете — так мигом успокоит* / [1 : 117]. Отсюда и мотивы именованья персонажа. Но так было в первой редакции рассказа. Перерабатывая рассказ для собрания сочинений, А. П. Чехов отказался и от «говорящей» фамилии, и от «бывшей» профессии персонажа. Отставной фельдфебель стал отставным сторожем консистории, а напряжённую семантическую ауру фамилии *Драконов* заменила нейтральная аура фамилии *Ягодов*. Налицо обдуманый до мелочей, в том числе онимных, творческий шаг писателя.

Упоминаемые персонажи рассказа — дочь Ягодова и её жених — получили от А. П. Чехова имена. Дочь, как и положено в русской антропонимной системе, названа *Анной Эрастовной*. В «онимных

кладовых» А. П. Чехова, кроме оставшихся после романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»¹ впечатлений, кроме представления о популярности имени *Анна* в русском быту, как у человека верующего² и Новый завет читавшего почти наверняка имелось представление и о евангельской спутнице старца Симеона³, пророчице Анне⁴. Имя *Анна*, по мнению составителей наиболее авторитетных словарей русской антропонимии, имеет древнееврейские корни: образовано, согласно А. В. Суперанской, из др.-евр. *hannā* : h-n-n 'милость' [6 : 257] или, по Н. А. Петровскому, от *hēn* — 'грация', 'миловидность' [4 : 51]. Исходя из сказанного, с известной долей вероятности можно предположить, что интерес общества к «женскому вопросу», подогретый романом Л. Н. Толстого, сыграл не последнюю роль в выборе имени *Анна* для молодой девушки безропотно согласившейся с отцовским выбором жениха для неё. Отчество *Эрастовна* зафиксировано в словаре Н. А. Петровского [4 : 233].

Жених *Анны Эрастовны* по всем параметрам, в том числе, и по некоторым свойствам личного имени, выигрывает «соревнование» с бедным *Макаром Кузьмичём. Прокофий Петров Шейкин*, во-первых, «человек хороший», во-вторых, «в Златоустенском переулке (кстати, факт немаловажный и для поэтонимосферы рассказа. — В. К.) его тетка в экономах» и, наконец, «*Шейкин в артельщиках. У него в залоге лежит полторы тысячи*». Фамилия *Шейкин*, однако, с точки зрения «говорящести», совершенно нейтральная, даже в сравнении с по существу нейтральной, но погружённой в ауру иронии фамилией *Блестелкин / Блёткин*. Иное дело имя и отчество. Имя *Прокофий*, по данным словаря А. В. Суперанской, происходит из греч. *Prokorios* : *prokore* 'успех', 'преуспевание' [6 : 181]. Ещё более любопытное мнение высказано Н. А. Петровским. Об имени *Прокофий* в словаре за-

¹ Журнальная публикация романа «Анна Каренина» осуществлялась Л. Н. Толстым в 1875–1877 годах, а первое книжное издание — в 1878 г.

² О том, что А. П. Чехов был верующим, по свидетельству старшей сотрудницы музея А. П. Чехова в Ялте А. В. Ханило₂, в историко-литературных и музейных кругах предпочитали в своё время либо не говорить вообще, либо ограничиваться ни к чему не обязывающими фразами.

³ Старцу Симеону «было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (Лк, 2,26).

⁴ Пророчица Анна, «которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь» пророчила о приходе Господа в храм «всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк, 2,37–38).

писано: Прокофий — разговорное к Прокопий. «ПРОКОПИЙ <...> предположительно от греч. *prokopos* — вынутый из ножен, обнажённый, схвативший меч за рукоятку» [4 : 184]. Если А. П. Чехов знал, что имя *Прокофий* по-гречески значит 'успех', сомневаться в мотиве выбора имени не приходится. Под стать имени и отчество, отражённое в «крестьянской», без «вичей», форме. Произведенное от имени *Пётр* (из греч. *Petros* — 'камень' [6 : 177] или от греч. *petra* — 'скала', 'утёс', 'каменная глыба' [4 : 178]) отчество *Петров* гармонично развивает смысловое поле именованного персонажа.

Важно отметить, что в процессе переработки рассказа антропонимия, как, впрочем, и топоэтонимная составляющая поэтономосферы, подверглась редукции. Так, в первой редакции рассказа упоминались капитан *Насечкин*: 1) «*В прошлом годе у меня капитан Насечкин стригся*»; 2) «*У меня, небось, каждую неделю... капитан Насечкин бреется...*» — и полковница *Мухоморова*: «*Перед праздниками полковнице Мухоморовой кровь пушал...*» Оба упоминания из новой редакции рассказа были устранены. Из окончательной редакции исчезли и названия внутригородских объектов *Сокольники* и *Мясницкая*: 1) «*В прошлом годе в Сокольниках на мой счет вы все чай пили...*» 2) «*Хотел на Мясницкой поликмахерскую открыть... и на тебе!*»

Рассказ А. П. Чехова «В цирюльне» по жанру является юмористическим. Обычная реакция читающего такое произведение — смех. Вопрос, интересующий исследователя онимии, очевиден: использовались ли онимные средства в «порождении смешного»? Если бы в рассказе сохранилась фамилия Драконов, она несомненно вызвала бы улыбку. Но А. П. Чехов изменил смешную фамилию на нейтральную. Создаётся впечатление, что автор, стремясь подчеркнуть трагикомичность ситуации, усилил драматическую линию и ослабил комическое.

Несмотря на то, что других явных онимных указаний на смешное в рассказе вроде бы нет, это не совсем так. Для жителя Москвы начала 80-х годов XIX столетия о многом говорили использованные А. П. Чеховым названия двух районов, в которых происходили события рассказа. «Взвизгиванье больного колокольчика» оповещает цирюльника о появлении клиента, звучат приветствия, крестник и крёстный целуются: «*Даль-то какая! — говорит он (крёстный. — В. К.), кряхтя. — Шутка ли? От Красного пруда до Калужских ворот*».

А чуть позже, объясняя причину визита, Ягодов рассказывает: *«Вот я и думаю в уме: пойду-ка к Макару. Чем к кому другому, так лучше уж к родному. И сделает лучше, и денег не возьмет. Далеконько немножко, оно правда, да ведь это что ж? Та же прогулка»*. «Прогулка», связанная с возможностью постричься бесплатно, может стать для читателя источником комического только в случае, если он «расшифрует» иронический смысл слов *«от Красного пруда до Калужских ворот»* и *«далеконько немножко»*. Как же «далеконько» от Красного пруда до Калужских ворот? Если А. П. Чехов решил описать события рассказа как имевшие место в Москве (а предположить это можно), то на старых картах первопрестольной [5] можно, отыскав соответствующие микропонимы, определить и расстояние, проделанное бесплатной стрижки ради. *«Эраст Иваныч Ягодов, крестный отец Макара Кузьмича. Когда-то он служил в консистории в сторожах, теперь же живет около Красного пруда и занимается слесарством»*. Как рассказано в одном из путеводителей по Москве, шесть веков назад в пойме реки Чечеры располагалось «сельцо у города у Москвы над Великим прудом», принадлежавшее князю Василию I. Великий пруд так же, как и село на его берегу за красоту получил название Красный. Некогда Подмоскovie со временем стало Москвой. Во время написания рассказа глухая окраина Москвы ныне называется улица Краснопрудная и располагается между Ярославским вокзалом и Верхней Красносельской улицей. А пришёл Эраст Иваныч к *Калужским воротам* (в варианте для журнала «Зритель» — *Калуцкие ворота*). Калужскими ещё с XV века назывались ворота Земляного города, построенного по дороге на Калугу и охранявшего подступы к Москве. Ныне площадь, образовавшаяся после сноса укреплений Земляного города, называется Калужской. Это диаметрально противоположный Краснопрудненской улице район нынешней Москвы. Так что фраза *«от Красного пруда до Калужских ворот»* извещает читателя, что «прогулялся» Эраст Иваныч из одного конца Москвы в другой. Названный же в рассказе Златоуспенский переулок расположен в центре Москвы между Мясницкой улицей и Маросейкой. Так что упоминание *Златоуспенского переулка* косвенным образом «повышало рейтинг» характеризуемого с его помощью лица. Интересно, что и в этом случае А. П. Чехов в окончательном тексте рассказа снял прямую характеристику. В первой редакции рассказа *«В Златоуспенском переулке»*

живет...» Прокофий Шейкин, а в окончательной «*В Златоустенском перелуке его тетка в экономаках*». Большая разнища.

Рассказ А. П. Чехова «В цирульне» наполнен литературными аллюзиями, эксплицируемыми с помощью собственных имен. Онимия рассказа оказывается благодаря этому включённой в «большую» поэтонимию русской литературы, в поэтонимосферу русской культуры, питающую и развивающую коннотативную ауру онимии русского языка.

Как отмечено выше, готовя собрание сочинений, А. П. Чехов изменил и заголовок рассказа: «Драма в цирульне» получила название «В цирульне». Эта перемена тоже связана с общей направленностью редакторских усилий на избавление рассказа от «лёгкого» юмора. Для раннего Чехова было характерно использование «жанровых» указаний, преимущественно из области драматического искусства, в названиях юмористических рассказов и фельетонов. Особенно часто в заголовках писатель использовал жанровое определение «сцена» или «сценка». Но в данном случае слово «драма» было, во-первых, использовано писателем в другом смысле ('несчастье', 'событие, приносящее глубокие нравственные страдания'; 'плохое развитие событий'), а во-вторых, «обратным движением» — от текста рассказа к заголовку — в такой степени пронизано иронией, что приобрело значение контекстуального антонима.

В заключение хочется отметить, что работать над совершенствованием «онимного мастерства»¹ А. П. Чехов не прекращал на протяжении всего творческого пути. Персонаж «Чайки» Треплев, сокрушаясь по поводу отсутствия писательского таланта, говорит: «*Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно*» [8 : 55]. Отчётливое понимание того, что средства выразительности, в том числе, онимные, должны, присутствуя в произведении в минимальном количестве, давать максимальный эстетический эффект, было для А. П. Чехова не только правилом, но и руководством к действию.

¹ Это словосочетание в несколько иной форме — «ономастична майстерність» — впервые в отношении творчества Лины Костенко употребил Ю. А. Карпенко. Оно было вдвойне удачно в то время, когда термином «ономастика» обозначалась и совокупность собственных имён, и наука, изучающая онимию.

Литература

1. Грибоедов А. С. Горе от ума / Изд. подготовил Н. К. Пиксанов при участии А. Л. Грищунина. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1987. — 479 с
2. Опульская Л. Д., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. — Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883—1884. — М.: Наука, 1975. — С. 467—559.
3. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. / Е. С. Отин — М.: ООО «А Темп», 2006. — 440 с.
4. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён: ок. 2600 имён / Н. А. Петровский. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 384 с.
5. План Столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 год. — <http://www.retromap.ru/mapster.php#right=0818977...>
6. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 384 с. — (От А до Я).
7. Чехов А. П. В цирюльне // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. — Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883—1884. — М.: Наука, 1975. — С. 35—38.
8. Чехов А. П. Чайка: Комедия в четырех действиях // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. — Т. 13. Пьесы. 1895—1904. — М.: Наука, 1978. — С. 3—60.
9. АВВУУ Lingvo x3. Электронный словарь: Выпуск 14.0.0.442. © АВВУУ, 2008/

Калінін В. М.

ПОЕТИКА ОНІМІВ В ОПОВІДАННІ А. П. ЧЕХОВА «У ЦИРУЛЬНІ»

Розглянуто особливості використання виразальних якостей поетонімів у короткому оповіданні А. П. Чехова «У цирюльні». Привернуто увагу до літературно-історичного аспекту праці письменника над онімією оповідання. Продемонстровано важливу роль топопоетонімів у структурі оповідання. Представлено роздуми щодо деяких питань теорії поетонімосфери.

Ключові слова: *поетика, поетонім, поетонімосфера, топопоетонім.*

Kalinkin V. M.

***POETICS OF ONYMS IN THE STORY «IN THE BARBERSHOP» BY
A. P. CHEKHOV***

Expressive properties of the usage of poetonyms in Chekhov's short story «In the Barbershop» have been discussed. The paper highlights literary-historical aspect of the writer's work on the onomastic world of the story. The importance of the influence of topoetonyms on the story structure has been shown. Some issues of poetonymosphere theory have been identified.

Key words: *poetics, poetonym, poetonymosphere, topoetonym.*